

18+

Ночь. Рассказы

Давыдов Дмитрий

Дмитрий Александрович Давыдов

Ночь. Рассказы

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=43205620

SelfPub; 2020

ISBN 978-5-532-04034-2

Аннотация

В сборник вошли рассказы, написанные в период 2015-2018 годов. Среди монотонных будней, бытовых забот и неурядиц отыщется то самое, что отличает нас от других. Но в героях книг мы не ищем отличия с собой, мы ищем сходство. Мы понимаем внутренний разлад героя и сопереживаем ему, поэтому нам так нравится читать рассказы. В оформлении обложки использована картина Винсента ван Гога "Ночная терраса кафе". 1888

Содержание

Картонная пыль	4
Котлеты из хлеба	38
1	38
2	41
3	45
4	48
5	51
6	54
7	57
8	59
9	62
10	65
11	67
12	70
13	73
14	77
Конец ознакомительного фрагмента.	78

Картонная пыль

Туман рассеялся. Я рад, что до завода недалеко. Дохожу пешком. Перед работой в затхлом цеху среди бумажной пыли хорошо прогуляться на свежем воздухе. Осенью дорога размыта и в грязи, так что обходи – не обходи, по приходу обувь по-деревенски вымазана.

Деревней наше поселение не назовешь, но до города еще далеко. Единственное, что напоминает городскую топь, – проезжающие автомобили по шоссе. Порой разгоряченный водитель несется, наезжает на придорожную лужу и заливает меня. Только и остается что проводить ненавистным взглядом уходящие огни авто. Но я радуюсь, что на работе переденусь в сухую робу. А когда смена закончится – одежда просохнет.

В холодные дни я быстрее иду на работу. Цех плохо отапливается, но все не на улице мерзнуть. Работа нетяжелая, хоть и физическая. В самый раз: устаешь ровно настолько, чтобы дойти до дома, поужинать и лечь спать. Нет, это не та работа, на которой я останусь навсегда. Но пока приходится терпеть. Так что утренняя мерзлота заставляет прийти скорее. Неурядицы погоды сокращают путь: никогда я так быстро не добирался, как во время ливня. И неважно, что желание работать сразу пропадает. Главное – контроль проходишь вовремя, а то и слишком заблаговременно.

На проходной стоят вольеры с собаками. А без толку. Секции метр на метр с решетчатым небом, из которого просачивается жалобное скуление. Только сельских котов отпугивать! Хоть тайком выпускай обездоленных животных. Но боюсь, покусают.

Издали от завода тишина. Но только зайдешь за ограду – механический скрежет оглушает. Работа кипит. Посреди величаво вздымается троица флагштоков, а на верхушках парадно развеваются гербы предприятия.

Рабочий день на заводе начинается с будки курильщиков. Закоптелое место веселых разговоров и чахоточного кашля, где дым тлеющих сигарет вырывается сквозь щели и развевается в мутном воздухе. Так и манит этот радостный коллективный смех спозаранку. Но задымленность до боли режет глаза. Почему не сделать такие же будки для некурящих? Все так же сидят и задорно рассказывают о вечерних попойках, о пропущенном автобусе или какую чепуху наплели начальнику.

В раздевалке. Никто не зайдет в цех, пока не поделится муками, как опротивело здесь работать. Надоела это коробочная жизнь! А ведь правда, шкафчиков на всех не хватает, и складываешь вещи в коробку. А вот и моя коробка из-под телевизора. Небольшая, но верхняя одежда помещается. Заканчиваются душевные излияния решением жаловаться начальству. Ведь здесь работают люди, и условия хочется человеческие. Или найдут работу почище этой! Ведь трудятся

работяги, которых с руками оторвут на подобные заводы. Но никто жалобы не выносит за пределы раздевалки, и никто отсюда не уходит.

Я здесь новичок. Мне трудно общаться с бывалыми, но незнакомыми коллегами. Только появляется новенький в устоявшемся коллективе, так на него пристально поглядывают. А я робею. И с корнем вырываю зачатки отношений. Хорошо, на работе можно не разговаривать, а может и плохо, не знаю. Сделал работу и отдыхай. Если знаешь, что делать. Это частая проблема, каждый новоприбывший с ней сталкивается.

В первый день я истуканом стоял посреди цеха. А мой поверенный надрывался, оттого что я бездельничаю. Но разве я виноват, что не знаю, чем заняться? Он же меня потом и утешал, мол, по первой со всеми так. Да я и сам это знаю, просто хотелось ободрения. Мой поверенный такой высокий, что нагибается в проемах дверей. Руки его жилисты, кисти загрубевшие, а лицо изрезано мелкими шрамами. Рядом с ним я казался белоручкой.

«Э, на камерах не стой, – говорил Сева, мой поверенный. – Увидят, что не работаешь, тебе втык вставят и мастеру по шапке надают».

И я избегал объектива камер наблюдения, но несильно. Сева работал на крупном станке для резки и рилевания, а я приставлен к нему помощником. Он вкратце объяснил мне дело, но на расспросы: «Для чего эта продукция?» или «Что

с этим делают дальше?», он отвечал: «Хрен его знает! Да не насрать ли?» – только в грубой форме. В подобных местах не обойтись без грубостей. Хотя никто не отличался зверством или бесчеловечием. Напротив, многие проявляли зачатки хорошего воспитания, однако здесь этого стыдились.

Рабочий день только начался, а все уже нервно поглядывали на часы и постукивали зубами. Все ждут первого перерыва, и я тоже жду. Он как бы знаменует первый шаг к концу смены. Останется еще два таких же и все: мети пол и сматывайся. Полтора часа монотонной работы затмевает пятнадцать минут блаженства безделья. Толкуют, что двумя годами ранее наоборот работали минут пятнадцать, а прохлаждались часами. Старые рабочие рассказывали об этом с мечтательной дымкой на лице. И после минуты молчания, как бы поминая утраченные времена, все хором вздыхали и разбредались по углам.

Сева брал длинные листы гофрированного картона и распускал под лезвиями станка. Я стоял с другой стороны, выгребал нарезанную продукцию и отделял брак и обрезки. Шелуху картона складывал в коробку и отвозил на пресс. Нарезанные листы бережно складывал стопками по пятьдесят штук на гнилой поддон. Между этажами стопок прокладывал тонкий лист. Когда продукция перерастала меня, я брал тележку и отвозил поддон к другому станку. А там другие рабочие нарезали картон на мелкие изделия. Так продолжается и со следующим станком. А что в итоге получается –

неизвестно. Не знаю и для чего все это. Оглянешься на такое производство, и это что-то очень напоминает... связанное с огромным камнем, который вечно скатывается с горы. Тут негласное правило – видимость работы важнее ее результата. Прямо как в армии.

Когда продукция вылетает из станка, а я формую ее в стопки, пересчитываю и выставляю на поддон – время пролетает незаметно. Заглядываешь в узкое окно на улицу – рассветло. Лучи солнца просачиваются в цех и озаряют мириады пылинок, которые причудливо развеиваются золотистым отливом.

Станки заглохли. Поднимаю голову – работники вприпрыжку идут на выход. Перекур. Я миную вонючую будку курильщиков и иду в пропахшую потом раздевалку. Сидеть и слушать байки, которые обычно начинаются так: «Помню, как-то мы бухали...»

На перерыв убегают за пять минут до начала, но и тогда мало. Посидишь, и руки зачесутся: глянуть сколько времени. Но хочется посидеть еще. А когда кто-нибудь глянет, в напряженной тишине провозглашает вердикт: «Все, пора идти». С душевной тоской рабочие возвращаются в затхлый цех, чтобы войти в однообразный ритм бессмысленного труда.

С завистью мы косимся на тех, у кого перекур только начался. Среди них и она. Эта девушка тоже новенькая. Стройная с волнистыми волосами и острым носиком. Она любо-

пытно посматривает на меня и улыбается, а я... Я всегда отворачиваюсь, убегаю от взгляда. Ах, если бы она подошла и сказала: «Привет!» Я бы столько сделал для нее. Она бы подошла и сказала: «Привет!» А я бы рассказал интересную историю и проводил до дома. И каждый день бы провожал! Если бы она только подошла.

И хотя работа только началась, все вновь поглядывают на часы в ожидании обеда. На тридцать минут забудешь об угнетающей последовательности: сформовал, посчитал, сложил, прокладку постелил, сформовал, посчитал, отвез резать дальше, сформовал...

Иногда картон заканчивается – распускать нечего. Остаешься без работы, но бездельничать нельзя. Сева вместе с остальными где-нибудь кучковался. В скрытом от глаз закутке. Мне неловко к ним подходить. Ребята разговаривали о делах, а я там не к месту. Поэтому оставался у станка с надеждой, что скоро подвезут листы, которые надо срочно распустить. И тогда вновь примемся за дело.

«Нам надо еще одного человека, – сказал Сева. – Э, видишь, когда нам работу подвозят, мы долго распускаем. А остальные болты пинают!»

Я поддерживал его слова. Отвечал, что да-да, именно так и надо. Но мне безразлично.

До обеда успеваешь проголодаться. Когда под ложечкой посасывает, время близится к получасовому перерыву. И мысль о еде возникает вместе с мыслью, что половина пу-

ти на отрезке работы пройдена. Во втором действии работа пойдет развязнее. Остается четыре часа, они проходят легко. Головой ушли за пределы цеха и одной ногой тоже.

На обеде. Полчище небритых мужиков в нечищенной робе бегут в столовую скорее к микроволновке, чтобы первым разогреть обед. Это напоминает школьные коридоры, где мелкотня со звонком бежит на перемену. Перед едой мою руки только я, и некоторые от этого морщатся. А я с отвращением наблюдаю, как кто-нибудь ест засаленными руками куриные ножки и облизывает пальцы.

После еды задорные ребята разговаривают о том, кто как испражнялся. Даже не разговаривают, а закатывают философские тирады в духе Гаргантюа. И гогочут, надрывая живот. И сдерживаются, чтобы еда не полезла наружу.

Как только я начал есть банан, голоса утихли. За столом переглядывались. Я оставался невозмутимым. Детский сад! Подсмеиваются над тем, как я ем банан.

– Э, ты так не ешь, – сказал Сева. – Надо отламывать вот так, и есть, – он показал жест руками.

– Какая разница? – сказал я. – Что от того, что я так ем?

– Просто... – сказала он, еле сдерживая смех. – Меня это возбуждает.

Шквал грудного смеха обрушился на меня. Кто закрывал лицо, кто хлопал себя рукой по колену, кто крутил головой, но все смеялись. А я сердился на Севу. Теперь думаю, как бы ему нагадить.

Кто быстро уплетал обед, умудрялся еще и вздремнуть. В раздевалке мало свободного места. Сидели на узкой лавочке, а кто спал, упирался плечом в плечо товарища, чтобы не упасть на обхарканный пол. Я не торопился, из столовой уходил последний. Дремота нападала уже в цеху. Оставалось только включиться в работу и выветрить сонливость. После трапезы я собирал приборы в целлофановый пакет и убирал в коробку. Потом ходил в зассанный туалет, где по унитазу размазаны фекалии, и с рвотными позывами возвращался в цех.

Цех построили отдельно от центрального корпуса. Приходилось идти метров сто на свежем воздухе. Мне нравится этот переход. Каждый раз я замедляю шаг и вдыхаю прохладу улицы. Рядом с заводом обслуживали катера и яхты. Перед работой я стоял и разглядывал ряды новеньких судов, выставленных на обозрение. Стоял и мечтал, что когда-нибудь я куплю одну из этих красавиц, укротительниц морских стихий, и отправлюсь в путешествие вдоль берегов Северной Европы. Я и, быть может, она. Та девушка.

Снова этот монотонный труд.

Переполненную коробку с браком и отходами я закидывал на тележку и вез к прессу. Отбросы высыпали в прессовую машину и через минуту вынимали здоровый прямоугольный куб из картона. Я бы не удивился, если бы мы и его распускали. Нарезанные изделия отправляют на пресс, а спрессованный куб привозят обратно к нам, снова нарезать.

Бесконечный круговорот. Весь рабочий день мы носим воду в решете. От такой бессмысленной рутины хочется самому залезть в пресс, чтобы потом разрезали на мелкую продукцию и снова спрессовали. Я часть этой замкнутой петли.

Сформовал, посчитал, сложил, прокладку постелил. Сформовал, посчитал, двадцать, тридцать, пятьдесят, увез к другому станку...

Время идет, время бежит, время мчится, время...

Листы закончились...

Не стой на камерах...

Нам нужен еще один...

Сформовал, посчитал, время...

Время до перерыва пятнадцать минут.

Перед тем как выйти на финишную прямую рабочего дня, остается последний перекур. Появляется оживление. Все уже разговаривают, как после смены зайдут в придорожный магазин и купят по баночке. Некоторые занимают до зарплаты. Деньги они отдают женам и раскошеливаются только раз в месяц. В остальное время они занимают у холостяков, а их немного.

Пойди я вместе с ребятами распивать брагу на холоде, то наверняка сдружился бы. Но нет, мне нравится больше приходить домой и наедаться жирной пищей. А после лежать на диване и выискивать причины, чтобы утром подняться и пойти на работу.

В раздевалке я заметил беспокойного рабочего. Он стоял

спиной к выходу и суетливо озирался. Смотрел то на входящих, то вниз перед собой. Я прошел к лавкам. Другой рабочий с цеха бережливо распределял пластиковой карточкой на мобильнике четыре дорожки белого порошка. «Есть пятихатка?» – обратился он к рядом стоящему. Тот полез в шкафчик, порылся и вынул бумажку. Ребята свернули купюру в трубочку и поочередно всосали носом снежные крупички. Пошмыгивая, они вскидывали брови и скалились желтыми зубами. «Будешь?» – спросил меня рабочий и указал на оставшуюся линию. Я отказался. Кто-то из поддатых ребят крикнул: «Тихон, иди сюда! Будешь?» Подошел щуплый парень, взял трубочку и вдохнул остатки порошка. Я видел его прежде, но только сейчас рассмотрел лицо. Круглое с глубокими залысинами, а глаза так косились, что непонятно на кого он смотрит. Ему нет и двадцати.

Сложно назвать работой то, что мы делали в последний час смены. Сева убежал болтать с невесткой, которая тоже здесь работает. А я празднично шатался из угла в угол и притворялся, что занят. За полчаса до свистка рабочие прибирали места: сгоняли пыль и высыпали в помойку. Инвентаря не хватало, а вот отдельных частей от него навалом. И кто-нибудь психанет, что в цеху нет ни одной метлы, возьмет это барахло и вылепит нечто уродливое, но способное подмести. Не описать воображение рабочих при конструировании подобного инструмента. Сломанные части черенка сматывали скотчем, щетину приколачивали гвоздями к узкой рейке, че-

ренко с колодкой скрепляли изоляцией...

Отыскав сносную швабру, я мел половину пола возле станка, остальную часть мел Сева. Когда скапливалась кучка песочной пыли, Сева завывал: «И этим мы дышим! А начальство жлобится, не покупает нам вытяжку!» Я несерьезно поддакивал. Рабочие сметали пыль в коробку и нервно постукивали ногами, крутили руками, перекачивались на месте и всё ждали. Ну когда же! Наконец стрелка часов вымучено подкатила к шести. Работяги с чистой совестью отправились в раздевалку. Они потрудились на славу.

Стемнело. На небе тускло мерцали звезды.

Почему-то я всегда торопился переодеться и уйти. Коллеги по цеху спокойно и даже вяло ополаскивались в душевой и приводили себя в порядок. А я трясущимися руками скидывал робу, кое-как сворачивал и запихивал в коробку. Сменную одежду так быстро надевал, что сидела на мне вкривь да вкось. Иногда и шиворот-навыворот или задом-наперед. Но мне все рано.

Я редко с кем прощался. Тянул руку, если кто рядом стоит, а так проскакивал мимо мужиков в трусах. Выбегал из раздевалки, миновал будку курильщиков, где смолили работники на сверхурочном. И под скуление заточенных в метровую клетку собак покидал предприятие. Никакая погода не сравнится в ускорении с желанием добраться домой. Скорее расслабиться на диване и уткнуться в телевизор. После физического труда самое то.

Вдоль дороги торчали редкие столбы с уличным освещением. Возле фонаря светло, а через двадцать метров глухая темнота. Когда проедет машина – осветит часть пути. Но только скроется – оставит во мраке. В темных переходах между освещенными островками люблюсь серебряным свечением луны. Если небо не затянуто. Но если небо ясное, что за величественная картина: полная луна, загадочно сияющая в крошечной тьме.

Сворачиваю на проселочную дорогу и достаю карманный фонарь. Уличное освещение закончилось. Передвигаюсь от кювета к кювету, обхожу разбросанные по дороге лужи. Наконец добрался до дома через непролазную грязь и скинул затоптанные ботинки. Завтра снова на работу, поэтому набиваю брюхо и готовлюсь ко сну. Дома о работе я не думаю. Голова забита чем угодно, только не работой. Признаюсь, мне до боли хочется уйти оттуда. Трудно представить, как некоторые проводят там по пять, по десять лет жизни. Я проработал там месяц и уже лезу на стенку! Тоскливо. Всё-всё, я не думаю о работе.

Звонит будильник. Я встаю, отключаю и возвращаюсь в постель. Лежу и думаю, как бы заставить себя пойти на работу. Нигде я так попусту не тратил время, как там. С этой мыслью невыносимо тяжело бороться. Потому что это правда. Я прихожу на работу и занимаюсь непонятно чем, а какой прок? Никто в цеху этого не знает. А сколько бы я сделал выдающегося! Сколько дел на благо людей и на благо соб-

ственной жизни! Но я словно в каторге. Обречен на вечный труд по принуждению. Я в этой каторге и заключенный, и тюремщик.

С опущенным настроением я иду на работу. Иду быстро: холод пробирает до костей. Мимо пропускного пункта и будки курильщиков я пробираюсь в теплое центральное помещение. Там раздевалка и столовая. Пока я переодевался, рядом стоял рабочий, доставал из шкафчика банку пива и отхлебывал. Такое нередко случается. На работу приходят, изрядно нализавшись, а кто не успел поддать на выходных, догоняется на смене. Никто не может этого не делать и в то же время каждый способен отказаться. Противоречиво, но я отказываюсь. Мнение, что люди должны выпивать, укрепились в головах и не терпит сомнений. Поэтому я чудак, который не делает то, что делают все.

Каждое утро начальники в цеху проводят пятиминутку. Каждый раз нам говорят одно и то же: «Соблюдайте технику безопасности и носите специальную обувь!» Но кто ее не носил раньше, не носит до сих пор. «Если нет никакой работы, то не бездельничать!» Но никто и никогда не говорит, чем конкретно заниматься. То есть занимайтесь чем угодно, но занимайтесь.

По заготовленной цепочке действий цех пришел в инертное движение. Только спустя час обороты нарастут, но уже замаячит блаженный перерыв.

Сформовал, посчитал, сложил, прокладку постелил...

Кто-то говорил, что мы живем в мире технологий. Брехня те слова. Мы живем в мире, где время людей – низкопробный ресурс. Поэтому, где работу выполнит одна сконструированная машина, там ее выполняют десять человек. Десять человек, где девятый – Сева, а десятый – я.

Сформовал, посчитал, сложил, прокладку постелил...

Благо, когда занимаешься подобной рутинной, мысли непрерывно скользят в голове. Не успеваешь понять важность одних, как их затмевают другие. Сочинил себе будущее и решился сбежать с работы, а как принялся за новую стопку, успел забыть о построенных планах и данных обещаниях. Начинаешь думать, что скоро перекур.

Перекур. Утро выдалось морозным. Вечерние облака развеялись – оставили чистую гладь небесной синевы. Как приятно вдыхать свежий воздух, когда наглотался пыли в цеху. Даже в раздевалку идти не хочется. Иногда сыплю в кружку сахар, заливаю кипятком и пью горячую подслащенную воду. Без чая и без кофе. Терпеть не могу чай в пакетиках и растворимый кофе. А другого здесь нет. Заварочный чайник, турку стащат или разобьют, только отвернешься. А эти современные удобства в виде чайной или кофейной шелухи отвратительны не столько вкусом, сколько фальшью.

Время надо как-то убить – иду в раздевалку.

«Вари одну, а на обеде еще дунем», – сказал Сева одному рабочему, снял с мобильного крышку, вытащил оттуда маленький кусочек и отдал. Подобное не считается здесь чем-

то плохим или противозаконным. Скорее чем-то разбавляющим повседневную тоску. И вправду, как еще заглушить настырный голос в голове, который без умолку вскрикивает, что жизнь идет как-то не так!

Я замедлил шаг и люблюсь катерами. Представляю, как стою на одном из них и рассекаю волны финского залива. Стою за штурвалом и восхищаюсь живописью прибрежных красот. Наш перерыв закончился – начинается у других. Вот и она идет мне навстречу. Если она скажет: «Привет!» – то я украду лодку и отправлюсь с ней в бесконечное путешествие. И жили бы мы лишь для себя. И в нашем мире все только для нас – ни для кого другого! Если только она скажет.

Но она лишь поглядела на меня, встретилась взглядом и улыбнулась. Я улыбнулся ей в ответ, но вышло натянуто, через силу. Она отвела глаза и посмеялась. Надо мной. Взялся за работу и избавился от самобичевания. Оно одолевает всякий раз, когда я упаду лицом в грязь или когда так кажется.

В цех пришел Тихон, тот щуплый парень с косыми глазами. Он постоял минут пять, глядя на мою работу, и принялся помогать. Нам часто помогали со стороны, когда у нас работы завались, а у остальных нет. И скорее это не помощь, а видимость помощи. Ведь надо же чем-то заниматься. Если работник стоит и переливает воду из одного стакана в другой, то пускай, лишь бы что-то делал. Но Тихон действительно помогал. Так же формовал, считал и складывал, как и я. Позже мы распределили работу иначе: он только формует, а

я считаю и складываю. Работа стала монотонней, зато быстрее распускали партию.

Тихон рассказал немного о себе. Живет один, приходит домой и готовит ужин в темноте. Говорит, за долги по коммунальным услугам отключили свет. Я и раньше слышал о его неразборчивых тратах. Он залезал в бесконечные долги и скрывался от коллекторов. Сам он сирота и все детство провел в интернате. Когда узнаешь подробности его жизни, чувствуешь себя несказанно счастливым.

Когда дело отлажено – работа спорится. Не успеваешь следить за стрелками часов. Пока Сева настраивал станок, я болтал с Тихоном о всякой всячине. Бывает, он спрашивал мое мнение о жизни. Видимо, разница моих убеждений с убеждениями работников цеха служила неким авторитетом. Я назидательно растолковывал ему: занимайся образованием и не злоупотребляй алкоголем. А он недоумевал от подобных советов. Как отказаться от выпивки, ведь и так живет неладно? А без этого вовсе жить-то зачем! Сколько я ему не доказывал, что все беды от злоупотребления, он никак не мог вразумить. Достучаться до подобного извращенного мировосприятия мне не по силам.

Мы так разгорячились беседой, что не заметили, как все улизнули на обед. В цеху остались мы вдвоем. В столовой ребята ели впопыхах. Давились не жуя. Верно, чего задумали. Без меня, ведь я не от сей компании. Сева пошептался и убежал в раздевалку. Следом вышла еще тройка ребят. Сто-

ловая опустела. Я неторопливо ел и прислушивался к разговорам. Сам редко вставлял слово.

Из душевой вышло двое рабочих. Один кашлял и закрывал рот, а другой – Сева. Глаза его покраснели, рот растянулся в улыбке. В руке дымилась полулитровая бутылка. Сева забросил ее в коробку на шкафчике. Все сидели на скамейке, переглядывались и отвлеченно делились ощущениями. Тихон сел рядом и с грустью опустил косые глаза. Расстроился: ему ничего не перепало в этой сумятице. Мне откровенно жаль его, но я запрещал себе жалеть. Это не поможет. А вообще, мне безразлично. Он хороший парень – только неудачник.

«Все, пора идти», – глядя на часы, сказал рабочий. Все со злобой посмотрели на дверь, будто за ней крылось несчастье. Рабочие удрученно выдохнули и вразвалочку побрели в цех выполнять половинный остаток трудового дня.

Холостяков на заводе почти нет. Больше половины рабочих – семьянины. Иначе все производство бы встало. Это единственное побуждение работать дальше в этих задушенных цехах. Такое побуждение превышает неудобств и лишений. Благополучие жены и детей – наполняет смыслом самую нелепую и угнетающую работу. Даже низменная жизнь становится значимой, если можно пожертвовать этой жизнью ради близких.

Но я один. Поэтому каждый день я нахожу причины прийти на чертов завод и вытерпеть рабочий день, рабочую неде-

лю, месяц, год, жизнь. Однажды причины иссякнут, и я просто не приду на это нещадно крадущее мечты предприятие. Или у меня появится то побуждение, которое не позволит роптать на участь или забываться в грезах. Побуждение вынудит глотать горечь утраты взамен на счастье и благополучие семьи.

В минуты отчаяния я искал повод уйти отсюда. Вернее, я сразу его находил, как только приступал к работе. Смешно получается: дома я уговариваю себя пойти на работу, а по приходу уговариваю все бросить и уволиться.

Мне нравится отвозить обрезки на пресс, потому что я увижу ее. Она работает в другой части цеха. Я пройду мимо и улыбнусь ей. Пока Сева распускает партию картона, а Тихон формует, я отвезу коробку с браком.

Пока вез тележку, на пол вывалилось немного обреза. Он оставил за мной подобие шлейфа. Потом подниму. Как только я подвожу доверху набитую коробку отходов, работник пресса презрительно косится. Я подкидываю ему работу, но он понимает, что я в этом не виноват. Он даже понимает: если нет обрезков – нет и работы. Просто удобнее злиться на меня, чем на себя.

На обратном пути я смотрю на нее. И вот она взглянула на меня и улыбнулась. Так потеплело на душе, что губы приветливо растянулись. Я так на нее засмотрелся, что не заметил под ногами чертового обреза. Споткнулся и упал вместе с тележкой. Краем глаза видел ее озабоченное и в то же время

милое лицо. Как же я грохнулся на этот холодный залитый бетоном пол. И тележка чуть не наехала. Слышу, как легкие шажки приближаются, и озорной смех так щекотно режет слух.

– Привет! – сказала она и участливо помогла мне подняться.

– Я прямо как этот... – сказал я волнуясь. – Как прапорщик армейский у Куприна. Ты читала?

– Конечно читала! Это мой любимый писатель.

– Правда? – я глупо вытаращил на нее глаза.

– Правда.

Хотелось взять ее за плечи и примкнуть к себе. Сказать, что я так мечтал, чтобы она подошла и поздоровалась со мной. И вот случилось, а я умолк и побрел к станку.

Мысли путались. Тихон забрасывал меня сформованными пачками, а я копошился: неровно складывал или сбивался со счета. Произошло нечто необыкновенное, а я... все испортил. Почему я не сделал того, чего хотел? А сделал то, что делать вовсе не хотел! Столько раз я представлял, как стоит ей только сказать: «Привет», – так я обернусь в интересного человека. Но я упал лицом в грязь. Да! Нет, не просто упал, а с разбегу нырнул всем телом. Да прапорщик армейский и рядом не стоит с таким ничтожеством. Все, за работу!

Пропущу перекур, поработаю. Скопилось много продукции, которую надо отправить дальше, на другой станок. Я складывал, вслушивался в тишину и вспоминал ее послед-

нее слово. Правда. Кажется, что это ответ на все вопросы, которые я мысленно задавал. Правда ведь, что моя симпатия взаимна? Что она позволит провожать ее до дома? Что она убежит со мной хоть на край света? Правда.

Сам не свой я закончил эту смену. Галопом переоделся, пожал руку Тихону и ушел. Как никогда хотелось прийти домой и забыться сном. Холодный воздух взбодрил. Я даже не против прогуляться в одиночестве. Выскочив с пропускного пункта, среди мрака я увидел девушку под светом уличного фонаря. «Она!» – промчалось в голове. Я подходил ближе и чувствовал, как сердце тяжелеет. Его биение отдавалось в ушах. Сказать что-нибудь или пройти мимо? Скажу, но не сегодня. Пройду мимо.

– Привет! – сказала она. – А я тебя жду!

– Привет, ну, вот и я.

Одoleвало жгучее желание схватить ее руку и поцеловать.

– Ты проводишь меня?

Она повернула голову в сторону и испытующе поглядывала.

– Я? Конечно... провожу.

Какой же я кретин! Простые слова из меня надо клещами вытягивать.

Она взяла меня под руку и повела в противоположную сторону моего дома. Так и думал, что она живет именно там, ведь мы не пересекались вне работы. Мы шли по аллее высоких берез и молчали. Я тревожно вслушивался в шарканье

ног по сырому асфальту. Что же рассказать? Ничего в голову не лезет. Тишина казалась утомительной. Завтра она на меня даже не посмотрит, после такого неуютного вечера. Она заговорила сама:

– Я давно хотела с тобой познакомиться и все не решалась подойти.

– Правда?

– Правда. Мне казалось, ты тоже хочешь познакомиться, но стесняешься. Ах, как красива ночь! Сегодня такой чудесный день.

В минуты, когда свет фонарей касался нас, я разглядывал ее лицо. С острым подбородком и таким же острым носиком, светло-серыми глазами, плавными линиями скул. На ее щеках пестрели веснушки, которые так неестественны в это хмурое время года. Ее длинные до бедер волосы свисали крупными волнами и тихо развевались на ветру. Когда мы покидали свет, я всматривался в гущу темноты. Изредка поглядывал на серебристую луну и вслушивался в нежный, певучий голос девушки.

– Мне так хочется уйти с этой работы, – сказала она. – Такая там бестолковщина!

– Правда?

– Правда. Мы живем лишь раз. Стоит ли так ничтожно растрачивать время? Нет.

– А что, если нам... – я не договорил.

Мы остановились перед домом. Бревенчатая одноэтажка

с чердаком. В окнах тускло горел свет.

Она стояла напротив и смотрела мне в глаза. Какая она красивая! И рядом со мной.

– Ты что-то говорил, – сказала она.

Я замешкался и закусил губу.

– Нет, ничего.

Она прильнула ко мне и украдкой чмокнула, оставив теплый и влажный след на губах. «Пока!» – сказала она, взбежала по ступеням и скрылась за дверью.

Я стоял не в силах шагнуть, точно захмелел. Приложил руку к губам, вытер. Посмотрел на ладонь, поднес к носу и вдохнул сладкий запах. Взаправду ли это? Опьяненный я поволочил ноги в сторону дома. В голове вертелись последние пятнадцать минут жизни. Пятнадцать минут, которые стоят дороже прожитых лет. Все пыль. Девушка сдула теплым дыханием с моих плеч годами оседавшую пыль.

Я проходил мимо завода со странным желанием скорее дожждаться завтрашнего дня. Скорее прийти на работу, где она. Так хочется верить, что она будет ждать. Она будет. Я торопился домой набить желудок и впасть в сон, чтобы скорее наступило завтра. За оградой работники второй смены и те, кто остался на подработку, выходят из курилки и неторопливо бредут в цех. Она права. Она видит суть этой мирской суеты, на которую не стоит тратить жизнь, ведь другой нет. Жизни после смерти нет, лишь бесконечные мгновения утраченного времени. Они на повторе крутятся перед смер-

тью, во время смерти и после.

Завтра, когда вновь ее провожу, откроюсь ей. Скажу все то, что так хотел сказать! Если она согласится быть со мной, то я сверну горы ради нашей жизни. И заживем мы словно в сказке, но наяву. Я ей откроюсь... Вот мой дом и мой очаг. Не помнится, когда в последний раз я засыпал с приятными мыслями о завтра.

Утром. За окном мерно плыл сизый туман и обволакивал призрачной дымкой окружение. И почему сон съедает воодушевление? Еще вчера как одурманенный я стремился к подвигам и безрассудствам. А сегодня голова распухла словно от похмелья. И внутри жжет раскаяние, что надавал себе обещаний, которых не выполню. Может, провести с ней еще пару вечеров, а там уж и открыться?

Я надел куртку, пристально всмотрелся в отражение зеркала и вышел на улицу. С каждым вдохом грудь наполнялась свежестью, очищалась от застоявшейся духоты. Если решил – выполняй. Я же знаю себя: помедлю и все испорчу.

Окрыленный я перескакивал слегка обледенелые лужи, которые оттают с первыми лучами солнца. Сегодня на работе все будет иначе. Наконец я чувствую, что живу не зря. Что вся эта чепуха, которая наполняет рабочее время, оправдала себя. Рядом будет она.

У пропускного пункта мерзнет кучка людей. Как и у меня, у них случились проблемы, и они пришли просить место. Только проблемы заставят прийти на этот завод в поисках

работы. Девушка из стоящих показалась знакомой. Это она! Неужто меня поджидает?

– Привет! – сказала она, – а я вот тебя жду.

– Привет, – сказал я неуверенно, – что-то случилось?

– Случилось. Давай не пойдем на работу?

Я опешил.

Я грезил о подобном и в мыслях согласился бы не раздумывая. Но когда это произошло в действительности, то погряз в сомнениях. Испугался чего-то непонятного. В любую минуту я сорвался бы и убежал с работы, но в то же время не хотелось терять место. Работа несложная, платят вовремя, добираться недалеко. Если я не выйду на смену, то придется искать новую работу и... черт, мне же хочется согласиться!

– Я говорю, давай не пойдем на работу? – сказала она и заулыбалась.

– Хм... как это... ну давай не пойдем.

Она радостно вскрикнула, схватила меня за руку и потащила прочь от ворот завода. Я не спросил, куда мы идем. Пускай ведет куда хочет. Пускай этот день пройдет безрассудно, пускай вся судьба будет в руках у этой девушки.

Мы торопились, отчасти из-за промерзлого воздуха, а отчасти из-за чего-то еще. Мы шли к ее дому. Она звонко что-то говорила, но я не вслушивался в смысл слов, я пьянел от самого звука ее голоса. Я не понимал ничего из сказанного, внутри теплилось приятное чувство безразличия, лишь бы все оставалось так же. Чтобы мы шли вдвоем и неважно ку-

да. И неважно, что во время работы, важно, что вдвоем.

Она остановилась у дома, прищурила глаза и испытующе посмотрела. Я растерялся и даже на полшага отстранился. Что она задумала? «Пойдем!» – сказала она и потащила меня за руку. Зайдя внутрь, она скинула куртку и стащила обувь. Я невольно стал подражать, но не понятно, почему мы спешим. Сбросив верхнюю одежду, она замедлилась и начала плавно расстегивать пуговицы на рубашке, лукаво поглядывая. Я замер. Она скинула рубашку и обнажила изящную грудь с розовыми сосками, прижалась ко мне и потащила вглубь комнаты. Я не успел осмотреться, как она повалила меня на диван и поцеловала.

Голые мы лежали на твердом диване с клетчатым пледом и разговаривали.

– А хочешь уехать отсюда? – сказала она.

– Хочу уехать в Северную Европу, чтобы плыть вдоль берегов Балтийского моря.

– Как это здорово! Ты отпустишь бороду и будешь курить трубку, как настоящий капитан. А я буду готовить завтрак из морской рыбы. Мы будем есть и наслаждаться видами бескрайнего моря.

Как она хорошо представила. Она согласилась на негласное приглашение. Вернее, она говорила так, будто это само собой разумеющееся.

– А ты хочешь куда-нибудь? – спросил я.

– А я отправлюсь куда угодно, – сказала она, – лишь бы

с тобой.

Я растянулся на диване. Правду ли она сказала? Сложно поверить, но так хочется. Неужели и вправду в жизни не только монотонный и бессмысленный труд, но еще и блаженная мечта наяву?

– Правда? – спросил я.

– Правда, – сказала она, нежно обняла меня и укусила мочку уха.

Я не задавался вопросами, что будет дальше. Не планировал будущее. Есть только настоящее. Я, она – мы в этом настоящем. Место на заводе больше не заботило. Да разве так важно: найду ли работу по душе или нет! На хлеб заработаю. Главное, что мы вместе.

– А катер мы украдем с работы! – сказала она и звонко засмеялась.

– Ах, ты какая!

Я подхватил смех и защекотал ее, а она отбивалась руками.

Не знаю, сколько мы лежали, но казалось долго. И мне хотелось продолжать. Хотелось весь день проваляться с ней на диване. Лежать и разговаривать о пустяках, мечтать о совместной жизни, о том, куда отправимся и чем займемся.

На стене висели часы, показывали половину второго. Она посмотрела на них и опустила глаза. Цокающий звук шага секундной стрелки наполнил комнату. И я начал думать, что...

– Своди меня куда-нибудь, – сказала она. – Давай прове-

дем этот день весело!

– Хорошо, – сказал я, – а куда ты хочешь?

– Неважно куда, важно с тобой.

Мы лениво поднялись и оделись. Неподалеку отсюда шоссе, которое ведет к столице. В поселке не повеселишься – едем в город.

Мы вышли на улицу. Обдало прохладным дуновением. Небо затянуто серыми облаками, а в воздухе витали крупинцы снега. Это первый снег после лета. Я смотрел, как она загадочно вглядывается в снежную дымку и счастливо улыбается. Кажется, что в беспорядочных движениях снежинок она видела будущее, и оно ей нравится.

На остановке. Она ни о чем не спрашивала, она доверилась мне. Мы стояли напротив друг друга. Она обнимала меня и в упор смотрела в глаза, а я невольно отводил взгляд. Становилось не по себе. Чувствовалась женская власть в ее взгляде. Когда я отворачивался в сторону, она подсмеивалась надо мной.

Подошел автобус. Мы сидели рядом и всю дорогу молчали. Мы не разговаривали, но тишина не смущала. Напротив, мы прижимались плечами и будто слушали биение наших сердец в унисон. Она сидела у окна, но смотрела не туда. Она не отводила глаз от моего лица. А когда я замечал ее пристальный взгляд, она мне улыбалась, и я улыбался в ответ.

Когда мы вышли на центральную площадь города, облака развеялись, а ярко-оранжевое солнце медленно спускалось к

горизонту. Мы пошли по проспекту, утонув в гуще людей. Чем нам заняться? Ничего в голову не приходило. Для меня гулять с ней вдвоем уже хорошо. Больше ничего не хотелось. Но что-то внутри съедало: ведь она просила сводить ее куда-нибудь.

– Смотри, вон милая кафешка, – сказала она. – Зайдем, а то я так проголодалась?

Мы сели за уединенный столик на двоих в конце зала. Она сидела напротив и украдкой поглядывала на меня из-за края меню, кокетливо хихикала и пряталась обратно. Как же давно я не ходил в подобные заведения, да еще и с девушкой. Не ляпнуть бы лишнего и не сделать. Веди себя естественно и непринужденно. Я поднял руку и защелкал пальцами, чтобы позвать официанта. Она нахмурилась и с укоризной глянула на меня. Я опустил руку и хотел провалиться сквозь землю.

Она заказала кусочек ягодного пирога и кружку кофе с молоком. А я заказал черный кофе и все.

– Я так люблю кофе, – сказала она. – Только не растворимый, обязательно свежемолотый.

– Правда?

– Правда.

Захотелось ласково назвать ее. Тут меня осенило: я не знаю ее имени. Мы столько раз виделись до знакомства, а после столько разговаривали, но даже не спросили имени друг у друга.

– А я ведь до сих пор не знаю, как тебя зовут, – сказал я.

Она держала кружку обеими руками и медленно вдыхала запах напитка. Она глотнула и хитро улыбнулась.

– Меня зовут Виолетта, – сказала она.

– А меня...

– А тебя зовут Женя, – оборвала она, – я знаю.

– Хм, откуда?

– Как-то раз я шла на перерыв, а ты стоял у входа в цех и любовался катерами, – она певуче рассказывала и накручивала прядь волос на палец. Глаза ее блуждали у висящих ламп на потолке. – Тебя окликнули. Твой перерыв закончился, а мой только начался. Вот так и узнала. И почему-то так врезалось в голову твое имя, даже не знаю почему... наверно, это...

– Что это? – спросил я и пристально всмотрелся.

– А тебе все скажи!

Она отломилла кусочек пирога и так шустро пихнула его мне в рот, что я не успел и слово сказать. Рот набился приторной сладостью.

– Я сейчас, – сказала она и встала из-за столика.

В кафе никого кроме нас. Я задумался о завтра. Она отошла, и настоящее уплыло вместе с ней, а я остался наедине с туманным будущим. Что же делать? Искать новую работу или соврать на заводе, что у меня снова умер родственник? Вряд ли мне поверят. Хотя я хорошо работал, не бездельничал, почему бы им разик и не закрыть глаза на мой прогул?

Она вернулась обеспокоенная. Я тут же очнулся от трясиных размышлений.

– Пойдем, погуляем, – сказала она. – Пока не стемнело.

Я так подорвался, что сшиб край стола, – звякнула посуда. Я бросился к вешалке, взял ее длинное пальто, расправил и заботливо надел ей на плечи. Затем обнял и нежно поцеловал в щеку. Она улыбнулась, беспокойство улетучилось. Я расплатился и собрался выходить, как внутри засвербило. Я оставил чаевые, будто у меня праздник и я делюсь им со всеми. Хотя этот день для меня и вправду праздник, но делиться с ним я не хотел.

На проспекте задул холодный ветер, а люди всё толпились. Виолетта взяла меня за руку и потащила в переулок. Как только мы спрятались, ветер стих, а городская суета осталась позади. Мы шли по узкому тротуару. Когда нам шли навстречу, мы прижимались друг к другу, пропуская пешеходов. Мы вышли на открытый дворик и остановились возле бюста видного человека. Хлопья снега медленно падали и шапкой ложились на бронзовую голову скульптуры. Мы молча обнимались и смотрели друг другу в глаза. Я дул на ее волосы, а они развевались и застилали ей лицо. Виолетта поправляла их и каждый раз после этого чмокала меня в губы.

– Молодые люди! – обратился к нам тучный бродяга, – а можете помочь мне?

– Вам денежку дать? – спросила Виолетта.

Незнакомец потупил взгляд и с согласием промычал.

Виолетта достала из кармана купюру и протянула. Бродяга взял деньги и сразу посветлел в лице. Он начал задорно поглядывать на нас.

– Господа, а хотите, я вам авторский анекдот расскажу? – сказал он.

– Ну давайте – робко сказал я.

– Значит так, – начал он, – заходит девушка в общественный транспорт и говорит молодому человеку: «Пропустите меня», – а он ей отвечает: «А сколько раз?»

На последнем слове он шумно засмеялся – тело громоздко затряслось. Смех этот оказался веселее, нежели сам похабный анекдот.

– А хотите еще один? – спросил он и, не дожидаясь ответа, начал, – значит лежит в постели любовница с любовником, а тут заходит муж...

– Ой, нет, спасибо! – прервала Виолетта и замахала рукой.

– Как знаете, барышня. Всего наилучшего, тьфу на вас.

Он побрел вразвалочку дальше по улице, а мы провожали его взглядом, пока он окончательно не скрылся.

– Ты такая добрая, – сказал я.

– Я так отношусь к деньгам. Зачем копить? Расставаться с ними надо легко. Если они задерживаются, то становятся мертвыми. А когда с деньгами расстаешься – они оживают и в конце концов возвращаются обратно.

Какая она умная и хорошая. Я прильнул к ней и нежно поцеловал в губы.

Стемнело. Мы шагали вдоль переулка. Дорогу освещал желтый свет фонарей, висевших на вороненых столбах. Небо застилала сизая дымка облаков, а под ногами таяли белые крапины снега. Хоть на улице и прохладно, внутри меня тепло. Грели чувства к Виолетте.

Ноги сами вели обратно к автобусной остановке. Надо возвращаться в поселок, а то ненароком останемся в столице без ночлега. Но мне все равно. Если Виолетта рядом – неважно, где я нахожусь и чем занимаюсь.

Ничего не замечал вокруг: ни проходящих мимо людей, ни городской шум транспорта, ни вечернюю прохладу – только теплоту ее руки в своей. Мы шли и мечтательно смотрели то друг на друга, то по сторонам. И только мы встречались взглядом, в голове проскальзывала мысль, что думаем об одном. Я подумал, как мне с ней хорошо, и она подумала, что ей со мной хорошо. Я подумал, хочется, чтобы этот день не кончался, и она подумала об этом. Я подумал, что никогда не был так счастлив, и она подумала так же.

Мы пропускали через себя поток пешеходов. Смотрели, как нас обволакивают по сторонам и уходят дальше убегающие женские и мужские спины.

Дошли до остановки и забежали в уже отъезжающую маршрутку. Повалились на сиденья и громко засмеялись. Я не знаю почему, но стало так радостно. Смех так безудержно вырывался изо рта, что на нас оглядывались. Но я не мог остановиться. И Виолетта смеялась вместе со мной. Я схва-

тился за живот от боли, так мне смешно, а у Виолетты побежали слезы. Это рассмешило пуще. Я успокоился, стало стыдно за этот переполох. Но теплый взгляд Виолетты растопил во мне муки.

– Ты такой забавный, – сказала она, – а над чем мы смеялись?

– Я не знаю. Я смеялся оттого, что ты смеешься.

Виолетта снова захохотала, а я зажал рот рукой, надрылся и издавал хлюпающие звуки. Завидев мои конвульсии, она захлопала меня по плечу и еще громче разрывалась смехом.

– Черт, что нам подсыпали в кофе? – сказал я.

– Счастья! – воскликнула она, схватила мою голову и припала губами к моим.

Маршрутка доехала до нашего поселения. Мы вышли и поплелись вдоль шоссе к ее дому. Не хотелось расставаться – я нарочно растягивал шаг. Виолетта не сопротивлялась. Она взяла мою руку и обняла. Она не хотела отпускать меня. И хотя мы оба понимали, что расстаемся ненадолго, это нисколько не обнадеживало. Завтра новый день, и мы снова увидимся, но отчего-то грустно.

Издали видно, как в окнах ее дома тускло светило.

«Ко мне сейчас нельзя», – сказала Виолетта.

Я не ответил.

Мы дошли. Я поднял голову. Фонарь у дома не горел – видно весь небесный купол, усеянный миллионами сверкаю-

щих звезд. Как красива ночь. Виолетта тоже подняла голову и всмотрелась в чарующую картину млечного пути. Нет завтра, только день сегодняшней. Завтра не наступит, а вчера и вовсе не существовало. Только сегодня. И сегодня я провел день с ней. И сейчас я заплачу любую цену, чтобы не расстаться с ней. Ведь завтра не наступит.

Ее глаза увлажнились. Она отвернулась и всхлипнула. Я крепко прижал ее к себе и зашептал на ушко: «Это ничего, ничего...»

Стало невыносимо тоскливо. Не знаю толком отчего. Ведь и вправду не в последний раз видимся!

– А ты знаешь, – повернулась и сказала Виолетта, – я целый день хочу тебе сказать.

Всего сжало после этих слов. Не то чтобы я ждал чего-то страшного или обидного, скорее наоборот, чего-то нежного и откровенного. Но все же ноги слабо стояли, а руки крепче стягивали ее в объятиях.

– Что? – прошептал я и приблизил ухо к ее рту.

Теплое и прерывистое дыхание обдавало мне щеку.

– Хотела сказать, что...

– Э, на камерах не стой! – ехидно сказал Сева.

Я очнулся.

Огляделся, сдул с плеч пыль и повез обрезки на пресс.

Я не упал. Она не подошла ко мне и не сказала: «Привет».

Когда смена закончилась, я поднялся в кадровый отдел, уволился одним днем, собрал вещи и ушел.

Котлеты из хлеба

1

В ту пору, когда яркие лучи солнца обжигают белоснежные сугробы, а птицы поедают вяжущие ягоды черноплодной рябины, из детского сада провинции Санкт-Петербурга вышла на прогулку вторая младшая группа «Зайчики». Вся гамма красок пестрела в их одежках: розовые комбинезоны и синие курточки, желтые штанишки и фиолетовые вязаные шапочки. Все это смешивалось, точно палитра художника на заснеженной земле. Из детских ртов вырывались визгливые и бессловесные крики, безудержная радость, озорство и беззаботность – все то, что так знакомо каждому ребенку, и давно забыто взрослым.

Группа разбрелась на прогулочной площадке и слилась с другими детьми, на щеках которых уже горели румяные яблочки. Воспитатель присоединилась к беседе коллег, которые уводили группы с прогулки. Каждый из них украдкой поглядывал на своих «пташек», «солнышек», «зайчиков», пересчитывал и сравнивал с числом детей на текущий день.

– Пташки! – пропел женский голос воспитателя, – строимся, идем в группу.

– Солнышки! – зазвучал голос другого воспитателя, –

идите сюда, уходим в группу.

Каждый малыш нашел себе пару и взялся за руку. Неуклюжими шажками они отправились в теплые стены детского сада, чтобы пообедать манной кашей и вздремнуть. Но тихий час нередко проходил иначе: дети будоражились и пропитывались приливом шалости.

– Аня, Аня, – с укоризной говорил воспитатель второй младшей группы, – не ломай лопатку.

– Нафтафья Валелена! – дергая за нижний край куртки, просил внимания малыш, – а там фидят и кулят!

Взор воспитателя впился в беседку, где сидели три щеголеватых подростка. Она задумалась на мгновение, затем улыбнулась и сказала малышу: «Иди, Миша, прогони их!»

Приободренный малыш помчался к неприятелям. Он подбежал, потупился и робко протянул: «Идите отфюда!» Подростки не прислушались. Один из них, щурясь от дыма сигареты, ехидно улыбнулся и жестом руки велел малышу уйти. Миша присел, зачерпнул лопаткой смесь грязи, песка и растаявшего снега и метнул на голубые джинсы обидчика. Подростки попрыгали с мест и выругались. Шматок грязи сполз и упал на белые кроссовки. Теперь двое из этой компании заливались смехом, а третий стал пуще сквернословить. На мгновение водрузилась тишина: они наблюдали, как малыш нагнулся и зачерпнул следующий снаряд. Но когда Миша поднялся, в беседке опустело.

От воспитателя раздался громкий и пронзительный смех,

который подхватили дети. Наблюдая, как подростки недовольно уходили, Настасья Валерьевна умилялась храбрости Миши и хохотала. А группа смеялась от заразительно смеха любимого воспитателя младшей второй группы «Зайчики».

– Ну вот, Аня, – сказала воспитатель, – сломала лопатку.

2

За оградой сада, вдоль деревянного зеленого забора, припарковался представительский автомобиль. Наполированный кузов авто никак не вписывался в окружение: монолитные пятиэтажки, деревянные домики и сельские магазины. Из салона вышла стройная и подтянутая девушка. Она накинула на себя меховой жилет, взяла кожаную сумку и пошла в сторону сада, впиваясь каблуками в присыпанные дорожки. Походка грациозна, а осанка горделива.

– Это же не вторая младшая группа? – спросила она у воспитателя и сняла солнцезащитные очки, оголив мелкие морщины на молодом лице.

– Здравствуйте, Ольга Петровна, – ответила воспитатель, – это мы. А вам заведующая не говорила, что занятие перенесли?

– И что? Мне теперь менять весь распорядок? Так, пускай дети идут переодеваться, через десять минут начинаем, – сказала Ольга Петровна.

– А как же? – опешила воспитатель, – у нас же по расписанию...

– Десять минут, – сказала Ольга Петровна, подняла указательный палец и поднесла к лицу воспитателя.

– Зайчики, зайчики! – воспевала Настасья Валерьевна, – собираемся в группу! Четыре, шесть, восемь, десять, двена-

дцать и тринадцать, все.

Внутри детского сада Ольга Петровна прошла по узкому коридору мимо кухонных цехов, откуда доносился запах вареной капусты и жареных котлет из хлеба. Она поднялась по кафельным ступеням на второй этаж, отворила белую деревянную дверь и зашла в комнату отдыха воспитателей. Там было пусто. Никого. Она повесила на плечики меховой жилет, тяжело выдохнула и села на детский стульчик. Пока растеживала молнию на кожаных сапогах, лицо ее напрягалось и корчилось от боли. Сняв один сапог, она переводила дыхание и собиралась с мыслями, чтобы приступить ко второму. Закончив и с этим, она надела балетки и прыжком соскочила со стула. Вытянула ногу назад, медленно всплеснула руками и закружилась. Но внезапно вскрикнула и упала на колени, опустив голову вниз. Вспышка боли сверкнула в ноге. Она всхлипнула, поднялась и пошла в группу проводить занятие по хореографии.

Дети наспех переодеты в спортивные костюмчики и чешки. Они еще не отошли от прогулочной беготни, не могли устоять на месте. Кто брался за руки и пританцовывал, кто кружился, а кто просто метался от стены к стене. Когда показалась Ольга Петровна, дети притихли и построились в неровные полосы рядов. Выделялась одна девочка. Глазам окружающих казалось, что с ней что-то не так. Непонятно, что именно, но точно что-то не то. Лицо не такое, как у всех детей, и поведение тоже. Девочка стояла в стороне с широко

раскрытыми глазами и наблюдала за уроком.

– А это что? – спросила Ольга Петровна у воспитателя, – я не детский корректор, я работаю только с нормальными детьми.

Слово «нормальными» она произнесла по слогам.

– Ольга Петровна, пожалуйста, пускай она тоже побудет, – сказала Настасья Валерьевна.

Ольга Петровна ничего не ответила, взмахнула руками, приподнялась на цыпочки и громко произнесла: «И раз, и два-а... и раз, и два-а... теперь развороты! и раз, и два-а...»

Приглушенно звучала фортепианная мелодия. Не для ритма, но лишь овеять романтикой. Маленькие девочки и мальчики незатейливо танцевали, кто как мог. Никто не ощущал стеснения и робости, все поглощены волшебным миром телодвижений. Хореограф отвлеклась на девочку, которая мялась в сторонке, подошла к ней и повелительно взмахнула руками. У девочки захватило дух. Захлестнуло порывом вдохновения. Вмиг она стала серьезной, повторила движение рук, поднялась на носочки и изо всех сил старалась удержаться. Ничего подобного девочка не переживала. Глаза заискрились, сердечко затрепетало.

Ольга Петровна надменно улыбнулась. Она упивалась в мыслях талантом преподавать.

– А как зовут эту, недоразвитую? – спросила она у воспитателя, – у нее не все так плохо, хотя настоящим искусством она все равно заниматься не сможет.

– Это Аня, – ответила Настасья Валерьевна.

Небесная синева сгустилась до вязкого и плотного цвета переспелой сливы. Детей вывели на вторую прогулку. Холодный ветер завывал, впечатления у младшей второй группы лучшего дня постепенно угасали. Но радость в нежных личиках загоралась вновь, когда приходили родители. Со сладостным звоном каждое дитя бросалось в объятия долгожданных и близких. И чем меньше становилось малышей из группы, тем сильнее обострялось ожидание. Каждый ребенок, наблюдающий картину воссоединения, мечтал о том же. Кто бы ни приходил: старая бабушка в дряхлой шубенке, усталый отец после работы, молодая мать, озабоченная бытом – у всех лица озарялись улыбкой. У родителей теплело на душе, стоит увидеть раскинутые в сторону руки бегущего к ним ребенка.

– Аня, время уже шесть, – сказала воспитатель, – кто придет за тобой?

Девочка подняла голову и с зубастой улыбкой крикнула единственное слово, которое знала: «Мама!»

– Пойдем, Аня, в группу. Холодно на улице.

В прихожей Настасья Валерьевна посмотрела на девочку, которая всхлипывала носом. Раздевать ли? Вдруг сейчас за ней придут. Со вздохом воспитатель принялась расстегивать разболтанные пуговицы на поношенном пуховике девочки. Аня пока не научилась раздеваться своими неуклю-

жими ручками. Когда сняли топорные зимние башмаки, девочка взглянула в глаза воспитателю и сказала: «А мама?»

Аню отвели за ручку в игровую комнату, и девочка бросилась к полке с куклами. Сначала воспитатели, а потом и дети, не позволяли ей брать игрушки: по своей неосторожности она их ломала. Но сейчас в группе никого, и девочка всласть тешилась ими, только она. Воспитатель с грустью смотрела, как Аня встает перед куклой и «учит» ее танцевать, а потом берет в руки и, как марионеткой, выполняет танцевальные движения.

Оставив девочку с куклами, воспитатель убежала к заведующей.

– Эльвира Эдуардовна, – сказала она, – у меня Анечка осталась. За ней никто не пришел.

– Родителям звонили? – спросила заведующая.

– Так у нее же только мамочка. И нет у нее ни домашнего телефона, ни мобильного.

– Бумажкина что ли?

– Да.

– Ах, точно, кто-то мне жаловался, – нахмурилась заведующая. – Так вызывайте полицию, пускай ребенка забирают, а вы заканчивайте.

Настасья Валерьевна переменилась в лице. В груди неприятно защемило.

– Нет, я еще подожду, – сказала она.

Но не успела отойти, как в дверях показался неряшливый

дворник. Он смущенно переглядывался то с воспитателем, то с заведующей.

– Что такое, Михал Кириллович? – выглядывая, спросила заведующая.

– Там это... – замямлил он, – женщина пришла.

На улице Настасья Валерьевна увидела женщину, которая стояла и раскачивалась на месте. Воспитатель вышла к ней. Лицо женщины перекошено, а волосы растрепаны. По щекам размазана губная помада, а ресницы жирно намалеваны тушью. Несмотря на холод, куртка женщины распахнута, под ней белая полупрозрачная блузка, заляпанная пятнами, а на груди просвечивал пестрый бюстгальтер. Из открытого рта оголены ряды желтых прогнивших зубов. Женщина дыхла на воспитателя дешевым алкоголем и с хрипотой сказала: «Я за Аней».

Эта дорога казалась в новинку для Ани. Начало дня протекало привычно: вспышка желтого света – это мама включила светильник, неприятный холод в местах, где одеяло коротко, слипшиеся глаза и легкий голод, который заглушился несладким чаем. Затем умывание, колючие щипки, когда заплетали волосы в косичку, утомительное надевание одежды и темная неосвещенная улица. А дальше все не то. Нет ни высокого дома номер пять, ни стоящего автомобиля без колес, ни зеленого забора вдоль детского сада. Только уличная остановка, где люди стояли штабелями и выдыхали кто пар, а кто дым. Шумный автобус и много людей внутри. И долгая поездка в неизведанные для девочки края.

Вошли в дом напоминающий сад, но вместо привычной улыбки воспитателя – заспанное и неприветливое лицо женщины в белом халате. Мама уйдет. Она всегда уходит, когда появлялась другая женщина, но всегда возвращается.

– Клава! – крикнула женщина в белом халате, – там малышку принесли, я пока оформлю, а ты прими ее.

Клавдия отложила книжку в мягком переплете, сняла очки и бережно положила в футляр. Она накинула голубой халат и пошла за девочкой. В приемной стояла нетрезвая женщина и малышка, которая пряталась за ногами. Клава нагнулась и постаралась улыбнуться, но вышло натянуто и даже

наигранно, поэтому девочка пуше зарылась в ноги к маме. С неприязнью Клавдия взяла маленькую и мокрую от слюней ручку Ани и повела за собой.

– Надо подписать документы, – сказала женщина в белом халате, – и хорошо бы вещи какие оставить.

– Я все принесла, – ответила мать.

Девочку ввели в просторный зал, где свисали обшарпанные обои, а поперек стен громоздились шкафы. Посреди зала растянута широкая вольера из сетки, в которой ползали дети. Такие же маленькие и напуганные, но и совсем другие – крепкие и бойкие. Девочку подняли за подмышки и перенесли в этот огороженный мирок. Все вокруг вызывало смещение: непривычные женщины, незнакомые дети, неудобная обстановка. На Аню с любопытством поглядывали. Она зажалась. Сидевшая неподалеку девочка поднялась, неловкими шагами приблизилась и ударила новенькую в лицо.

Клавдия вернулась к себе, в комнату для нянечек. Она схватила книгу и пролистала до закладки. Буквы расплывались. Она сощурилась и поняла, что на ней нет очков. Надев их, она выискивала то место, где оборвалось повествование. Улеглась на твердый диван, накрытый шерстяным пледом, и с жаром зачитала роман. Ей настолько нравилось забывать об окружении, что она с легкостью забывала и о себе. Фантазия писателя – единственное место, где она по-настоящему жива. А реальность – лишь дурной сон. Каждый герой повести – она сама. Вне романа ее нет. Вне романа только девушки.

ка без личной жизни, с испорченным зрением и проблемной кожей на лице.

– Зайчики! – воспевала Настасья Валерьевна, – строимся на прогулку, идем одеваться. Четыре, шесть, восемь, десять, двенадцать...

Она нахмурила брови и задумалась.

Однообразие дней приедалось. Измени какую-либо деталь в монотонных делах, то засвербит, словно в мозаике не хватало детали, и картинка не собиралась. Перед тем как одеться, воспитатель зашла в раздевалку проверить все ли дети готовы. Она по привычке сказала: «Выходите пока, а мы сейчас...» – но оборвала себя на полуслове. Одевать некого.

День казался приятным и походил на те мимолетные будни садика, в которых воспитатели находили счастье. Однако для Настасьи Валерьевны что-то не то. Тот же детский смех, те же детские обиды, капризы и шалости. Все как прежде, но что-то еще. Нечто за пределами обычных дней. Она догадывалась о причине волнения, но не понимала, почему это так тревожит. Остаток дня она провела угрюмо и задумчиво.

Полчаса минуло, как забрали последнего ребенка, а Настасья Валерьевна все маялась и ходила по группе. Она прибрала вещи, накинула куртку, но тут же сбросила и пошла в соседний корпус. Спустилась, прошла по узкому и темному коридору, затем поднялась и трижды постучала в деревянную дверь заведующей.

– Настасья Валерьевна? – сказала заведующая, – что такое, снова за кем-то не пришли?

– Нет, Эльвира Эдуардовна, всех забрали, но вот Анечка...

– Это Бумажкина что ли?

– Да. Понимаете, сегодня третий день, как ее нет. И мамочка ничего не сообщила, и с ней никак не связаться.

– Так что же, позвоните участковому, скажите адрес, пускай сходит. Ведь у нас есть адрес?

Настасья Валерьевна отшагнула назад и пыталась нащупать что-нибудь рукой, чтобы опереться или ухватиться, но ничего не попадалось. Она отшагнула еще и прислонилась ладонью к стене.

– Да, есть адрес, – сказала она, – до свидания, Эльвира Эдуардовна.

– До свидания, Настасья Валерьевна, – сказала в след уходящему воспитателю заведующая. – Вот чудная.

Издали разрывался звонок телефона. Телефон беспокойно подергивался на тумбочке и вот-вот свалится, но Настасья Валерьевна бросилась к нему. Так странно, кто звонит в такой час?

– Вторая младшая, – подняла трубку и сказала воспитатель, – слушаю.

На том конце линии доносились беспорядочные звуки: пьяные крики мужчин, истерический смех женщин и приглушенная музыка. Шум заставил отнести трубку телефона

подальше от уха.

– Алло! – повторила Настасья Валерьевна, – слушаю!

Ответа не было, только лился безобразный гул. Захотелось бросить к черту трубку, пойти прочь с работы и забыть об этом дне и об этих пустых бессмысленных переживаниях. Но Настасья Валерьевна собрала волю в кулак и подавила в себе приступ гнева.

– Алло! – повторила она, – кто это?

– Алё, – раздался хриплый женский голос, – это мама Ани Бумажкиной, мы не будем ходить в садик, я отдала дочку в приют...

После короткого молчания звуки прервались – в трубке запищали гудки.

Настасья Валерьевна плохо различила слова, которые доносились сквозь шум, но смысл понятен. Она медленно опустила трубку телефона, оделась и ушла.

«Что это?» – нехотя отрываясь от книги, подумала Клавдия. Она приучила себя не отвлекаться на плач, грохот от игр и стычек детей, но сейчас что-то застало ее врасплох. Среди бетонного эха безобразных криков детей крайне удивительно услышать нечто музыкальное. Клава отложила беллетристику, небрежно накинула рабочий халат и нечаянно сбила стопку бумаг на столе. Она принялась собирать, но бросила и пошла выискивать источник этой выразительной мелодии.

Серый лист плавно раскачивался из стороны в сторону, падая на пол. Он шаркнул по раскоряченному паркету и приземлился. На листке выделялись темные пятна, круглые следы кружки и потертые края. На нем напечатана фотография малышки с редкими темными волосами, с карими глазами и пухлыми щечками. Под фото шли ряды напечатанного текста, строки которого иногда дописаны синими чернилами от руки.

Клава проходила по коридору мимо дверей и прислушивалась. Где играет музыка? Она прошла дверь яслей, младшей группы, средней и задержалась у группы пятилеток. Повременила минутку и медленно отворила дверь, чтобы остаться незамеченной. Чем шире открывалась дверь, тем отчетливей просачивалась мелодия, словно лился поток родниковой воды через желоб. Клавдия легонько зашла и удив-

ленно замерла. По центру комнаты взмахивала и медленно опускала руки, кружилась в танце девочка, развевая коротко остриженные черные волосы. Вокруг нее столпились детки. Они будто зачарованные наблюдали за выступлением. Танец с медленной музыкой и завораживал, и притягивал. Когда мелодия достигла кульминации, девочка подпрыгнула, вспорхнула ногами и мягко приземлилась на колени. Дети восторженно вскрикнули и тут же прижали руки ко рту.

Щелк! Музыка оборвалась.

Дети оглянулись в сторону проигрывателя, там стояла Клавдия и с любопытством рассматривала затрепанную аудиокассету. Девочка растолкала детей и подбежала к нянечке с криками: «Отдай! Отдай!» Но Клава отстранила ее в сторону и прикрикнула, чтобы она не забывалась.

– Ты хорошо танцуешь, Аня, – сказала Клавдия, – но ты не станешь балериной. И еще магнитофон трогать нельзя!

Няня ушла, а девочка все стояла и со злобой в глазах смотрела на деревянную дверь с жухлой краской. Ноздри раздулись от глубокого и напряженного дыхания, а руки сжались в кулаки. Никто из детей ее не тревожил. В ней кипела затаенная ярость, которая обрушится на любого. Несмотря на худощавость, она стала крепкой девочкой. Жизнь в приюте заставляла бороться за себя. Она получила должную закалку, и с ней рисковали связываться даже мальчишки. Гнев прорывался наружу. Аня подошла к магнитофону, швырнула на пол и с остервенением молотила его ногами.

Клава вернулась в кабинет. Она надменно посмотрела на кассету, прочитала: «Классика. Чайковский», – и положила на полку. Под ногами лежали разлетевшиеся листы. Клава нагнулась и принялась подбирать. Она подняла один, засмотрелась на фотографию и забегала глазами по графам печатных столбцов.

ФИО: Бумажкина Анна

Дата рождения: 28.04.1999

Пол: Ж

Мать: Бумажкина Е. И.

Отец: «прочерк»

Психодиагностическое заключение: Мать всячески избегала отвечать на вопросы. Говорила невразумительно и уклончиво. Призналась, что нечаянно уронила ребенка, когда та была совсем маленькой. С тех пор наблюдалось отставание в развитии. Отца ребенка не знает. Искать не решилась. До детского сада ребенок жил изолированно: гулять не ходил, ни с кем не общался кроме матери, все время проводил дома. Выявлены проблемы с социализацией: в детском саду ребенок ни с кем не игрался, шел на контакт исключительно с воспитателем. Наблюдается гиперактивность. При тестировании выявилось слабое развитие мелкой моторики...

Клава хмыкнула и положила лист в стопку.

– Тебе уже тридцать семь лет, а ты без мужа, без детей, гниешь в своем интернате для умалишенных! – слушала Клава в телефонную трубку и тяжело дышала, – и чего тебе не сиделось? Так хорошо было. Нет, тебе надо попробовать себя в литературе. Никогда ты меня не слушаешь, а я ведь ради тебя стараюсь!

– Мама, – прошипела Клава.

– Что мама?! Говорила я тебе ничего у тебя не получится, никогда ты не станешь литератором, так и останешься старухой ненужной на попечении у мамки своей. А как я умру, так и ты сразу с голоду подохнешь!

– Ма... – сказала Клава, чувствуя, как прыснули слезы.

– Что ма? Я тебя и на работу пристроила, и мужика тебе нашла, и деньгами обеспечила, а ты?! Что сделала ты?! Унизила меня, осрамила, сказала, что хочешь все сама! И вот, когда у тебя не вышло, я простила тебя и принимаю обратно, а ты мне так отвечаешь! Ты мне так отвечаешь!

– Ну мамочка...

– Она будет продолжать, будет пробовать еще. Я тебе говорю, ничего у тебя не получится. Никогда ты не станешь литератором!

Голос на проводе затих. Связь прервалась. Клавдия разразилась рыданием. Переживания настолько захлестнули, что

стало безразлично, услышит ли кто ее или нет. Она скрывала распухшее лицо в неженственных грубых руках и беспрерывно плакала, не чувствуя, как стекают слезы и капают на халат. Разрывала безумная жалость к себе. Она пыталась воскресить, вспомнить какой-нибудь отрывок из книжного романа, чтобы отвлечься, но тщетно. Она схватилась за волосы и попробовала выдернуть клочок волос. С криком от боли она посмотрела на копну блекло-рыжих волос в руке, вско-чила с места и вышла в коридор.

Жажда доставить кому-нибудь страдание душила Клаву. Неважно, какая жертва попадется, но хотелось отыграться на слабеньких. Она зашла в младшую группу, опрокинула на пол корзину с поношенными игрушками и с истерикой закричала на детей, указывая на устроенный беспорядок. Она хватала за шкурку попадавшихся под руку детей и швыряла их по сторонам, продолжая визгливо драть глотку. Шум привлек внимание детей других групп. На потасовку сбегались и подростки.

– Не трогай их! – сказала Аня.

– Убирайся к черту! – ответила Клава.

Аня вскипела от грубости, рванулась навстречу обидчице и толкнула ее в живот. Клавдия чуть не шлепнулась на пол. Она схватила юную защитницу одной рукой за ворот, а другой наносила удары ладонью по лицу. С каждым ударом Клава сквозь зубы цедила: «Никогда! Никогда! Никогда!»

Когда синяки на лице отошли, а царапины от ногтей затянулись, Аня смотрела из окна второго этажа, как распухшую от частых истерик Клаву уводили под руку из детского приюта №58. Никто не жалел. Никто не интересовался, что с ней случилось и что послужило поводом для нервного срыва и увольнения, ни дети, ни сотрудники.

– Зачем ты это сделала? – спросил Аркаша.

– Она убивала, – сказала Аня.

– Кого убивала? Тебя что ли?

– Ты все равно не поймешь, – Аня сомкнула руки на груди. – Не кого, а что. Она убивала мечты.

– Когда это ты стала такой умной?

– Уж поумнее некоторых!

Аня спрыгнула с подоконника и взяла подмышку книгу, которую стащила из кабинета Клавы. Она выходила из комнаты и ощущала теплый взгляд на себе. Это он, «тупица», как она называла его про себя. Он, как младший брат, которому нужно все разъяснять, когда он не понимал, жалеть – когда ударится, или наказывать – когда провинится. Хотя он и старше Ани.

Аня бежала по коридору и плавно прыгала с прямыми ногами, прямиком в библиотеку.

– Я книжку принесла, – сказала она, – вот, возьмите.

– Книжку? – сказала пожилая женщина в очках с толстыми линзами, – а где ты ее взяла?

– Нашла.

– Нашла, значит. Ну хорошо. Положи туда на полку.

Аня отыскивала свободное место в рядах книг и втиснула туда. Эти запыленные письма не вызывали любопытство. Казалось, есть занятия поинтересней, нежели чтение. Зачем придумывать какой-то мир, если вокруг столько неизведанного, столько необъяснимого, завораживающего и манящего? Девочка скользнула взглядом по корешкам книг и собралась уйти, как внимание привлек яркий переплет маленькой книжечки. Она достала ее и прочитала заглавие: «ДОБЕЙСЯ ВСЕГО САМ». Она открыла книгу и прищурилась: форзац исписан мелким почерком. Текст не разобрать, лишь отдельные слова и фразы: «изменило мою жизнь», «стал тем», «счастье», «не сдаваться», «вплотную к мечте». Аня исподлобья взглянула на старую женщину, которая копошилась в бумажках, засунула книгу под растянутую кофту и убежала.

Аркаша посмотрел в зеркало, почесал раздражение на щеке и пошел искать. Когда Ани нет поблизости, возникала зудящая тревога. Он по-детски привязался к ней. Аркаша тихо шагал по коридору и осторожно заглядывал за каждый поворот. Хотя он и желал находиться с ней рядом, но боялся столкнуться лицом к лицу и тем более остаться наедине. Он аккуратно открывал дверь в группу, окидывал всех взглядом и, если не находил ее, продолжал искать. Наконец он увидел

Аню на лестнице. Она сидела на ступеньках и читала книгу.

– Ты что? не понимаешь? – восторженно говорила Аня, – я стану танцовщицей!

– А ты умеешь танцевать? – сказал Аркаша.

– Да что ты знаешь обо мне, туп... – оборвала себя Аня, – если я решила, значит так и будет!

– У тебя нет образования, а со справкой детдома не поступишь.

– Это все неважно.

– И денег у тебя нет, а если устроишься на работу, то и времени не будет.

– Да это все неважно! Эти трудности ничего не значат.

Аня так порывисто говорила, что ее коротко остриженные волосы подпрыгивали и развевались, точно на ветру. Ее слова захлестывали и смывали унылые и серые тона приюта, за которыми таилась радужная мечта. В черных глазах искрилось воодушевление. Она не могла усидеть на месте, ею двигала жажда действовать. Аня хватала Аркашу за плечи и трясла, словно хотела выбить неправильный взгляд на жизнь. Хотела, чтобы он проникся этой силой, этим жизнеутверждающим настроем.

– А что тогда важно? – спросил Аркаша.

– Важно верить в себя! Верить в мечту.

– Нет, в жизни так не бывает.

– Много ты знаешь о жизни-то?

Аня бросила книгу и убежала. Потянуло в комнату в конце корпуса, которая пустовала. Она скрывалась от посторонних и тесноты, чтобы насладиться одиночеством и потанцевать. Нет чуждого интерната, нет тяжелого детства, нет прошлого, где остался лишь образ женского лица и чувство беззаботности, нет будущего, где только угнетающая неизвестность. Девочка забежала в комнату, закрыла глаза, мысленно включила музыку и окунулась в грезы. Гул в концертном зале затихает, люди перестают шептаться и поглядывают на сцену. Ансамбль заиграл вступление, занавес поднялся. Она выходит с сольным выступлением, рывком вздымает руки, плавно опускает и свершает множественные пируэты. Зал охвачен волшебством искусства. В минуту кульминации сердце зрителей замирает, а трагическое заключение сопровождается взрывной инструментальный аккорд. Занавес опускается под оглушительные рукоплескания. У женщин безмолвно стекают слезы по щекам. «Браво!» – кричат мужчины. Зрители повставали с мест и требуют вернуть на сцену ее, исполнительницу танца. И вот долгожданная минута увековечения в зале славы. Ее одаривают цветами. Она не смыкает красных губ, улыбается жемчужными зубами и кланяется.

– Аня! Ты где? – послышался голос извне, – тебя директор зовет.

Музыка перестала звучать, ликующие овации испарились.

Аня вернулась обратно, в приют.

Аня робко приоткрыла лакированную дверь кабинета, которая выделялась среди закоптелых стен. Никогда прежде она не была здесь. Каждый, кто проходил через этот кабинет, выходил либо радостный, либо несчастный. Это настораживало. Девочка осмотрела обстановку, представился директор: человек солидный и строгий. В комнате возвышались ансамбли сияющих шкафов, набитые книгами в жестких переплетах, рядом стоял огромный деревянный глобус, а стены увешаны пестрыми грамотами.

– Аня? Заходи, не бойся, – сказал старенький мужчина в затертом пиджаке с седой головой и жидкими усами.

Он сидел за письменным дубовым столом с резными рисунками. Его вид не вписывался в роскошное окружение кабинета, поэтому Аня замешкалась. Может это не директор?

– Проходи, садись, – сказал он, – не стесняйся, не съем я тебя.

Девочка запрыгнула на стул и сложила руки на коленях.

– Видишь ли, – сказал он, принимая серьезный вид, – надо поговорить о твоём будущем. Я понимаю, кажется, что до этого так далеко. Но не успеешь и глазом моргнуть, как тебе исполнится восемнадцать и придется покинуть наш дом.

Аня смущенно слушала и не прерывала. Временами хотелось что-то сказать, но, когда слова хотели сорваться с губ,

она впивалась ногтями в ладони.

– Не переживай, – сказал директор, – я просто хочу поговорить. Понять, чего ты хочешь, и направить тебя. Кем ты хочешь стать?

– Я хочу стать... танцовщицей!

Директор сощурил впалые глаза и усмехнулся. Но только увидел сердитую гримасу девочки, стянул улыбку и сказал:

– Господи, чего только не выдумают. Карьера в хореографии начинается с самого детства. Надо заниматься всю школу, а потом учиться в университете, а после выпуска не каждый пробьется на это поприще. Не сердись на меня. Я ведь о тебе думаю. Послушай, уже через два года ты сможешь работать на полставки. Пристроим тебя, куда скажешь. Можно к нам либо няней, либо поваром. Можно на швейную фабрику. Можно... Аня, куда ты!

Девочка выбежала, оставив распахнутую дверь. Она переполнялась жгучей злобой. Хотелось выплеснуть это чувство, навредить кому-нибудь или себе самой. Аня забежала обратно в отдаленную комнату, пала ничком и яростно замолотила кулаками по холодному полу. Нарастающая боль в пальцах плавно остужала пыл.

В комнату зашел Аркаша и сел рядом с ней. Она крикнула: «Убирайся!» Но он не сдвинулся. Аня шмыгнула носом и заплакала.

– Аня пропала! – дрожащим голосом сказала молоденькая няня, которая недавно заменила Клавдию.

– Беги к директору, – сказала заведующая, – я позвоню в полицию.

Мысли девочки путались. Когда интернат скрылся за густыми деревьями и бревенчатыми домами, она решила, что никогда по своей воле не вернется обратно. Теперь она идет навстречу мечте.

На железнодорожной станции Аня села в пригородную электричку. В пути не раз приходилось ухищряться и уходить из-под надзора контролеров. Она доехала до конечной и вышла на оживленном городском вокзале. Её подталкивало манящее чувство непредсказуемости. Девочка влилась в течение и предоставила вести себя толпе.

В сладком одиночестве Аня проходила по центральному проспекту и впитывала глазами окружение. Она любовалась на рекламные вывески, на тесные магазинчики вдоль дороги, на непрерывный поток автомобилей и на озабоченные лица прохожих. Аня замерла. Перед ней пестрела афиша: «Балетное Шоу! Премьера!» Подхватил восторг. Окрыленная она мнила, что это судьба. Провидение. Это уготовано свыше. Это то, чего она хотела и к чему стремилась. «Одним глазком увидеть, лишь одним глазком...» – думала она. Но как

туда попасть и где вообще выступление? Но это мелочи!

Аня вычитала адрес и без стеснения расспросила у прохожих, как туда добраться. И ей доходчиво объяснили. Удобнее всего на метро. На вопрос: «Можно ли дойти пешком?» – ей ответили, что можно, но будет долго. Что же делать? Денег на жетон нет. Ничего не придумав, Аня пошла к входу в метро с надеждой, что решение придет спонтанно.

Она топталась у турникетов и набиралась смелости, чтобы выклянчить у какой-нибудь незнакомой женщины мелочь на жетон. Аня боялась, что ее сдадут в полицию. От мысли, что придется вернуться в приют, пробежала дрожь. Тут она увидела, как подростки постарше перешептываются и суетливо поглядывают на сотрудника метрополитена. Когда он ушел на пост, молодняк кучей ринулся к турникету и разом переключился. Никто не заметил, только Аня вспыхнула. Позже она вспоминала об этом и укоряла себя за бестолковость.

Сделав пару глубоких вдохов, Аня уличила подходящую минуту и рванула. Она подбежала и поняла, что не обязательно перепрыгивать: можно подлезть снизу. В сумятице она неуклюже и грохоча перепрыгнула железную балку турникета, чуть не упала и галопом побежала по ступеням эскалатора. Девочка убедилась, что за ней не гонятся, и оголтело засмеялась.

Добраться до нужной станции оказалось нетрудно. Вопреки ожиданиям на улице у входа в концертный зал никто не толпился. Видимо, уже началось. Аня побежала внутрь

и мысленно отмахивалась от вопроса: «Как туда попасть?» Она залетела в холл, увидела кассовую будку и смутилась: никого кроме нее здесь нет. С зала заиграла музыка. Она заволновалась и не знала куда деться. Может, с улицы проникнуть легче? Найти окно и пролезть.

Не глядя, куда бегут ноги, девочка выбежала и воткнулась в служителя правопорядка. И он, и его напарник ничего бы не подумали, не поведи себя Аня так глупо. Она закричала и в испуге бросилась наутек в арку дома, где уперлась в тупик. В полицию поступило сообщение о беглом ребенке с приюта. Полицейские задавали самые простые вопросы: как ее зовут, где она живет, почему закричала, – но девочка перепугалась и не выдержала. Призналась, что она та самая Аня Бумажкина.

Сотрудники отделения составили протокол и не задерживали девочку: отвезли обратно в приют. Зареванная Аня машинально выполняла все, что ей твердили. Полное безразличие к окружающему миру читалось в ее глазах, виделось в каждом движении. Она зашла к себе в группу, с ненавистью посмотрела на Аркашу и сквозь зубы процедила: «Предатель!»

Приютские дети не хотели взрослеть. Когда пройдет рубеж совершеннолетия, придется войти в пугающий мир, возложить ответственность за себя на неокрепшие плечи. Обычно выхода два. Одни дрейфовали в городской суете, а затем захлебывались и тонули в алкоголизме и наркомании, тушили судьбы, как окурки в плевательницу. Другие мирились с участью бесконечной кабалы трудовых будней и выходных, которые проводили в десяти квадратах с телевизором.

Он знал, что эту возможность нельзя упускать. Свое будущее Аркаша оценивал как худшее в сравнении с будущим других ребят. И когда директор предложил вакантное место в приюте, он согласился не раздумывая. Работа подмастерьем слесаря с перспективой на полноценную занятость с хорошим окладом и льготами.

Аркаша совершал ежедневный обход помещений в интернате. Со стремянкой в руках он высматривал перегоревшие лампочки, течь крыши и разбитые стекла, как почувствовал теплое прикосновение руки.

– Ты сделаешь это для меня? – сказала Аня, – без твоей помощи мне никуда.

Засунув руку во внутренний карман рабочей куртки, Аркаша вытащил небольшой сверток в целлофановом пакете.

Девочка с жадностью посмотрела на пакет и аккуратно вытянула его из рук Аркаши. Аня развернулась и хотела было убежать, но прильнула к нему и оставила мокрый след поцелуя на шершавой щеке.

В руках Ани лежал билет в мечту. Теперь она все тщательно спланирует и не допустит оплошностей. Теперь она старше и смелее. «Теперь все будет иначе», – мечтала она, держа в руках паспорт.

В темноте ночи Аня взглянула на ненавистные корпуса детского дома и презрительно плюнула в их сторону. Она поклялась, что лучше наложит на себя руки, чем вернется в эту богадельню. Но мысли о смерти не посещали, напротив, девочка рвалась увлеченно жить. Мысль о смирении отвратительна. Она не позволяла себе отступить от надежд, от мечты. Обстоятельства показывали: придется ждать своего часа, но не было и толики сомнения в его наступлении. Твердости ее веры мог бы позавидовать любой духовный наставник. Все трудности и невзгоды она проглатывала вместе с желчью укоров и двигалась дальше.

В холодную осеннюю ночь не хотелось гулять по городу и любоваться живописными набережными. Хотелось скорее дожидаться утра и разрешить вопросы с жильем и работой. По слухам Аня узнала о заведении, в котором могут пристроить бездомного: дадут нетрудную работу и выделят койку. Она пренебрежительно отмахнулась, когда впервые услышала об этом. И вправду, с чего такое благородство? Только если за-

ставят продавать свое тело, но рассказывали обратное. Делать нечего, оставалось разузнать самой. Ведь всегда можно сбежать, если что-то пойдет не так.

Укрываясь от ледящего ветра, девочка забежала в парадную монолитной многоэтажки. Она поднялась на последний этаж, залезла на подоконник в лестничном пролете, прижалась к еле теплой батарее и мерно задремала. В последнее время сны редко ее посещали. Сейчас же она заснула с щекотливым волнением и увидела в размытых красках сцену, зрительный зал, много людей, которые с жаром раскупают билеты на входе и с нетерпением ждут появления звезды, ее появление.

Аня проснулась с первыми лучами, которые прорезали стекло и слепили полузакрытые глаза. Голова затуманена, а на устах улыбка. Так блаженно провести ночь вдали от угнетающей обстановки детдома, хоть и на лестничном пролете. Она достала из саквояжа бутылочку воды, смочила ватный тампон и протерла лицо. Достала косметичку и разложила на подоконнике украденные у воспитателей огрызки косметики. Надо привести себя в порядок, чтобы показаться в полной красе будущему работодателю.

На улице вместе с морозным утренним воздухом Аня вдохнула влечение к жизни. До заведения идти прилично, деньги на проезд были. Но девочка предпочла прогулку по закуткам города, нежели будничную тесноту метрополитена. Она медленно шагала по проспектам, изредка сворачивала в переулки и рассматривала затейливые композиции архитектурных виртуозов, которые сотворили неповторимый город Санкт-Петербург.

Она дошла до нужной улицы, названной в честь именитого композитора, дошла и до нужного дома с номером «13». У входа висела вывеска: «Караоке-бар ПойДзен. Работаем с 12:00 до 06:00». Стрелки наручных часов показывали без четверти девять.

С той стороны улицы доносился приятный запах завар-

ного кофе и свежей ванильной выпечки. Аня сглотнула набежавшую слюну и подошла к распахнутому окошечку придорожной кофейни. Подсчитала, во сколько обойдется удовольствие легкого завтрака, вздохнула и отошла, чтобы не травить себе душу.

– Дочка, – сказал мужчина за прилавком, – возьми, я вижу, ты голодная.

Аня робко постояла в сторонке, не понимая, как отреагировать. Убежать? Как-то глупо. Стесненными движениями она приняла из рук незнакомца теплую булочку, завернутую трубочкой, и стаканчик с чаем, который клубился паром и пах малиной.

– Спасибо, – потупив взгляд, сказала она, – большое спасибо!

Аня перешла дорогу обратно, уселась на скамейку рядом с заведением, на которое возложены все надежды, и принялась растягивать удовольствие от еды. Ждать еще долго. Девочка увлеклась фантазией, так и время пролетело незаметно.

Немолодая женщина заскочила на ступеньки входа в бар и суетливо открыла входную дверь. У Ани заколотилось сердце. Уверенность в успешном собеседовании вдруг выветрилась. Перед глазами всплывали жуткие картинки, как ей откажут и придется бродяжничать по улицам, попрошайничать и воровать, в конечном счете угодит в полицию, откуда ее вышлют не в приют, а в колонию для малолетних. Аня встала со скамейки – ноги задрожали. Сделав шаг, она пошатнулась

и чуть не свалилась. «Возьми себя в руки, черт тебя дери!» – ругалась Аня. Она сделала пару глубоких вдохов, сжала руки в кулак и зашла.

Прозвенел колокольчик, подвешенный над входной дверью. Перед взором растянулась барная стойка, а за ней возвышались стеллажи, полки которого уставлены бутылками с цветными этикетками. Посреди зала сколочены подмости, вокруг которых черные стулья, расставленные амфитеатром. Женщина ходила и поправляла мебель. Она обернулась на звон и сказала:

– Мы еще закрыты, открываемся в двенадцать.

– Здравствуйте, – тихо сказала Аня, – я по поводу работы.

– Что? Работаем с двенадцати, говорю!

– Я пришла по поводу работы! – чуть не крикнула Аня, – мне бы очень хотелось у вас работать.

– Так чего ты сразу не сказала! Сколько тебе?

– Чего сколько мне?

– Лет тебе сколько?

– А, мне... – и тут Аня запнулась.

Соврать? Сказать, будто восемнадцать. Ане говорили, что она выглядит старше. Но попросят паспорт, а его обязательно попросят, и ложь мгновенно раскроется. Девочка сказала:

– Мне четырнадцать, но через месяц будет пятнадцать!

– О нет, нет, дорогая, – замахала руками женщина, – столько проблем с тобой будет! Нет.

Аня побледнела. Внутри что-то оборвалось. Из глаз брыз-

нули слезы. Она кинулась к ногам женщины, обхватила их, зарылась в них лицом и умоляла сжалиться над ней.

– Ох, ну что прикажешь с тобой делать! – сказала женщина, – жилье-то есть у тебя?

Не поднимая взора, девочка помотала головой.

– Ох, за какие грехи вы мне на голову! Ладно, пойдем наверх, покажу тебе комнату. Полчаса тебе на все про все, а потом спускайся убирать зал.

– Спасибо вам! – Аня схватила большие руки женщины и судорожно поцеловала их.

Никогда еще Аня так не уставала. Целый день она металась по залу на неудобных туфлях с каблуком и в туго затянутом вокруг пояса фартуке. Она представляла, как первый заработок потратит на пару удобной обуви. За окном смеркалось, и это придавало сил, словно перед последним рывком. Еще чуть-чуть и на отдых! Спросить, когда наконец закончится рабочий день, Аня постеснялась и решила терпеть до конца, пока хозяйка не объявит об этом.

Стрелка часов перевалила за полночь. Аня заклевала носом. Сон одолевает. Девочка собралась с духом и спросила, когда можно пойти отдыхать. И чуть не свалилась, когда услышала, что придется работать всю ночь до закрытия. В глазах помутилось, а во рту появилось неприятное послевкусие. Бедняжка пропустила и обед, и ужин, рассчитывая наесться после смены.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.